

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА

Критические статьи
о литературе
I

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Критические статьи о литературе I / Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM. — 272 с.

ISBN 978-5-519-63246-1

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

«Лица. Критические статьи о литературе» — блестящий сборник критических статей в двух томах, в которых Мережковский анализирует творчество Михаила Лермонтова, Александра Пушкина, Жан-Жака Руссо, Николая Гоголя, Фёдора Достоевского и других авторов.

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

РУССО.....	5
ПРЕДИСЛОВИЕ К «АНТИГОНЕ».....	31
О НОВОМ ЗНАЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ ТРАГЕДИИ....	33
ПАМЯТИ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА	45
ИЗ РУССКИХ ИЗДАНИЙ. ДВА КРАЙНИХ МНЕНИЯ О ПУШКИНЕ.....	51
ПРОРОК РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	55
СЕМЬ СМИРЕННЫХ.....	117
ИВАНЫЧ И ГЛЕБ.....	133
ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА.....	167
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. ПОЭТ СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	171
БАЛАГАН И ТРАГЕДИЯ	231
РОЗАНОВ	247
Л. ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМ.....	263

РУССО

I

Характер Руссо

Однажды, во время своих продолжительных скитаний, Руссо, заблудившись, вошел в мужицкую избу и спросил чего-нибудь поесть. Крестьянин подал ему молока и черного хлеба. Но, увидев, что гость не вполне доволен этим скромным угощением, он вопросительно посмотрел на Ж.-Жака, потом, уверившись по наружности, что имеет дело с человеком добрым и честным, поднял люк, спустился в погреб и вынес оттуда вино, ломоть полубелого хлеба и окорок, который предложил гостю. Когда же тот, уходя, пожелал расплатиться, крестьянин снова чего-то испугался, не хотел брать денег, как будто ему давали их за какое-нибудь нехорошее дело, и наконец, дрожа и бледнея, объявил Руссо, что он должен тщательно скрывать от сборщиков податей всякий лишний кусок, чтобы они не оштрафовали его и не обвинили в уголовном преступлении; что за ним следят шпионы и надсмотрщики, и что он погиб, если только они узнают, что он не умирает с голоду. «Все, что он мне говорил, продолжает Руссо, было для меня совершенной новостью. Впечатление от его слов никогда не изгладится из моей души. То было первое запавшее в меня семя глубокой и с тех пор постоянно возрастающей ненависти к притеснителям народа. Человек этот, обладавший некоторым достатком, не смел есть собственный хлеб, заработанный в поте лица, и должен был прикидываться нищим, чтобы избавиться от раз-

грабления. Нежность и негодование смешивались в моем сердце, когда я вышел из его дома, и я оплакивал участь этой прекрасной страны (т. е. Франции), щедро осыпанной дарами природы, но вместе с тем отданной в добычу бесчеловечным грабителям».

Кроме подобных отдельных случаев было еще много других более постоянных и могущественных причин, натолкнувших Руссо на вопрос об отношении привилегированных классов к народу. В ряду этих причин следует прежде всего отметить обстоятельства его личной жизни. Руссо испытал на самом себе весь ужас бедности и унижения. В своей молодости он бродил нищим по большим дорогам Швейцарии, Италии и Франции; он слишком хорошо изведal, что такое голод и до самой старости не мог забыть чувства животного страха, внушаемого им; нередко приходилось ему ночевать на улице, под открытым небом, протянувшись где-нибудь на скамейке или в поле, под стогом сена. А между тем этот бродяга хорошо помнил те времена, когда он был любимым баловнем достаточно счастливой семьи, он помнил довольство, спокойствие и все прелести тихой домашней жизни. Гордый до тщеславия, он должен был смиренно надевать лакейскую ливрею какой-то г-жи Верцелли, он прислуживал и подавал блюда таким людям, которых считал равными по рождению и ниже себя по достоинству.

Кроме подобных воспоминаний детства, имевших влияние на всю его жизнь, в характере этого человека было много черт, оттолкнувших его от высших классов и приблизивших к народу. Во-первых, он чувствовал глубокое отвращение к светским манерам. Ложь, лице-

мерие, неестественность, все, что от него требовало тогдашнее общество, были ему противны. Он никогда не мог научиться говорить и держать себя в обществе. Он старался скрыть свою природную робость напускным цинизмом и притворной дерзостью, что казалось очень оригинальным и милым людям, искавшим развлечения в странностях прославленного чудака, но для него самого было тягостно и унижительно. Вследствие этой же непреодолимой робости он бежал однажды от почетного представления Людовику XV с такой поспешностью, как будто ему угрожала самая позорная казнь. Тереза Ле-Вассер понравилась ему только своей необыкновенной простотой. Он прелестно передает поэзию их маленьких ужинов на улице С. Оноре, происходивших с глазу на глаз в уютном уголке под окном, служившим им вместо стола. «Кто, кроме нас двоих, восклицает он, мог бы понять прелесть угощений, состоявших из доброго ломтя хлеба, вишен, сыра и бутылки вина, которую мы распивали вдвоем. Дружба, доверие, мир, кротость вот лучшие из всех приправ!». В другом месте он так изображает свою любовь к простоте: «мне до такой степени приедались салоны, фонтаны, беседки, цветники и те люди, которые все это устраивали, мне так надоедали памфлеты, игра на фортепиано, карты, шум, острооты, пошлые любезности, скучные рассказчики и большие ужины, что, когда я видел простой кустик терновника, забор, овин, лужайку, когда, проходя через деревню, я чуял запах яичницы с кервелем, когда издали слышал грубый напев пастуха, мне хотелось отправить к черту и румяны, и фалбалы, и амбру».

Сюда присоединяются более глубокие типические черты его характера: он страстно любит природу. Он умеет ее изображать так реально и художественно, что в сравнении с его картинами все описания его предшественников и современников Расина, Корнеля, Вольтера кажутся бесцветными. С.-Бёв говорит, что Руссо первый во Франции положил начало пониманию природы. Посмотрите на восторженное чувство, которое овладевает им каждый раз, как он входит в лес. Ему кажется, что перед ним открывается сказочное великолепие. Он любит золотистым цветом сильной травы и пурпурным отблеском вереска: красота их проникает до глубины его сердца. Величие деревьев, игра теней, разнообразие трав и цветов попеременно возбуждают в его уме то любопытство, то наслаждение. Это волнение возрастает и, наконец, превращается в экстаз. «Я с какой-то радостью, признается он, чувствовал себя подавленным беспредельностью природы и мне нравилось, что величественные, овладевшие мною образы смутны и неопределенны, что мой обессиленный ум теряется в их бесконечности. В пределах действительной жизни мне было тесно; я задыхался во вселенной, я бы сам охотно устремился вслед за мечтой. Мне казалось, что, если передо мной откроются все тайны природы, я испытаю менее сладостное чувство, чем этот нежный, отуманивший меня восторг, и я отдавался ему нераздельно и, будучи не в силах сказать или подумать что-либо другое, я мог только произнести: «О Всемогущее Существо!»».

Чтобы верно осветить характер Руссо, следует обратиться к его основной черте, заключающейся в край-

нем перевесе внутренней психической жизни над впечатлениями, получаемыми от внешнего мира. Этот человек из-за своего «я» не видит других людей. Изобилие, глубина и сила внутренней деятельности так велики, что она поглощает все его внимание; он постоянно к ней прислушивается и в сравнении с нею опыт и наблюдение, даваемые ему действительностью, кажутся бесцветными и тусклыми. Он живет, погруженный в самого себя, оторванный от остального мира, недовольный, когда малейший толчок заставляет его считаться с реальными отношениями к людям. Он постоянно ищет полного уединения, абсолютного покоя. Природу он любит только за то, что она убаюкивает его, усыпляет мысль. По выражению Морлея, он вовсе не смотрит на нее, как сфинкс, не чувствует в ней, как Вертер или Манфред, ужасающих загадок. Она ему нужна, как мягкая постель для утомленного человека, чтобы отдохнуть. Его привлекают ясные Савойские долины с их свежей смеющейся зеленью и золотом нив на голубом фоне Юры, глубоко прозрачные тихие воды Женевского озера. Описывая идеал счастья, напоминающий индийскую нирвану, Руссо говорит: «если есть такое состояние, в котором душа находит прочную опору, чтобы вполне на нее положиться и сосредоточить на ней все свое существование, не чувствуя необходимости ни вспоминать о прошедшем, ни заглядывать в будущее, причем настоящее длится бесконечно, не обозначая, однако, своей продолжительности, без всяких следов последовательности, без лишнего чувства лишения или радости, удовольствия или огорчения, желания или страха, кроме сознания собственного существования, и

если одно это чувство может наполнить всю душу, то тот, кто находится в таком состоянии, может назваться счастливым, не тем неполным, жалким и относительным счастьем, какое мы находим в наслаждениях жизни, но счастьем полным, совершенным, не оставляющим в душе никакой пустоты». Здесь мечтатель так глубоко погружается во внутреннюю жизнь, что весь мир кажется ему отдаленной, едва заметною точкою, почти совсем исчезает. Он умоляет Бернское правительство как о величайшей милости о том, чтобы его лишили свободы и заточили вместо тюрьмы на маленький остров Св. Петра, обещая на вечные времена прекратить все сношения с внешним миром и, так сказать, заживо похоронить себя. В «Исповеди» он рассказывает, как ему однажды удалось провести около двух недель полного, глубокого счастья в четырех стенах карантинного здания без стола, без стула, без постели, с чемоданом вместо кровати. Понятно, что такой человек не мог быть счастлив в блестящем салоне XVIII века. Очарованный и ослепленный богатством своей собственной внутренней жизни, он втайне презирует людей или, лучше сказать, он не видит, не замечает их. Если он с кем-нибудь сближается, то ищет в своем друге или любимой женщине не живого, реального человека, а воплощения собственной мечты, он любит и в них отражением самого себя, отблеском собственной фантазии. Когда же обаяние грезы проходит, и Руссо с отвращением видит людей такими, какие они есть, он тотчас же отворачивается и забывает их до нового увлечения.